

Вл. Иванов

«Матфей 13:1-23. Интерпретация в аспекте перевода»

ТЕЗИСЫ:

В англоязычных работах, посвящённых новозаветной притче, притчу о сеятеле иногда называют *model-parable* – образцовой притчей, притчей-примером. Именно на её примере Иисус объясняет ученикам, зачем в разговоре с народом он использует притчи и как их следует понимать. Иными словами, он даёт урок экзегезы. Кроме этого, притча о сеятеле открывает одну из тайн слова о Царстве Небесном: слово приносит плод только на хорошей почве.

Мы рассматриваем притчу о сеятеле в Евангелии от Матфея. Это Евангелие предназначалось для христианской аудитории из иудеев. Матфей воспринимает Иисуса с позиций иудаизма времён Второго Храма. Для него Иисус – это долгожданный Мессия из рода Давида, законодатель, который пришёл не только подтвердить Закон Моисея, но и обновить его [Burkett, 2002: 174].

Мы рассматриваем притчу в рамках большого отрывка (Мф.13:1-23), к которому она относится. Так поступает большинство комментаторов Первого Евангелия.

Композиция отрывка

Интересующий нас отрывок представляет собой монолог Иисуса. Перед ним стоят ремарки Евангелиста (1-3), его прерывает вопрос учеников (10). Речь Иисуса состоит из притчи и развёрнутого комментария к ней. Границей притчи служит специальная формула-призыв (9), которая уже однажды встречалась в Евангелии (11:15) и повторится ещё раз (13:43). Комментарий к притче состоит из двух частей: первая часть объясняет смысл притч, вторая часть толкует притчу о сеятеле (18-23). Их разделяет ещё один призыв (18).

Иными словами композиция отрывка такова: (1) Евангелист рассказывает, когда и где Иисус учил притчами; (2) Иисус рассказывает народу притчу о сеятеле; (3) Иисус отвечает на вопрос учеников о функции притч; (4) Иисус истолковывает ученикам притчу о сеятеле.

Переключение адресатов речи Иисуса значимо с точки зрения богословия Евангелиста. Притчи из 13 главы Матфея описывают Царство Небесное. Знание о

нѐм является тайным (τὰ μυστήρια τῆς βασιλείας τῶν οὐρανῶν) и поэтому должно быть сокрыто от непосвящённых или неподготовленных. Немецкий исследователь Ульрих Луц пишет в комментарии к Евангелию от Матфея: «Вслед за апокалиптикой и Марком, Матфей понимает притчи как зашифрованную, загадочную речь. Однако связной теории притч у него нет. Так, в 21:45-46 иудейские вожди знали (ἔγνωσαν), что Иисус говорил притчи о них. Однако они извлекли ложные выводы из своего знания. В нашем тексте (*в притче о сеятеле*, – В.И.), как и у Марка, характеристикой народа является, прежде всего, незнание. Ясно одно: хотя притчи и бывают непонятными, но они проводят границу между теми, кто понимает, и теми, кто не понимает» [Luz, 2001: 246].

Считается, что Матфей литературно обработал взятый у Марка отрывок (Мк.4:1-20), придав ему язычность.

Где и когда Иисус рассказывал притчи

(1-3) Ἐν τῇ ἡμέρᾳ ἐκείνῃ ἐξελθὼν ὁ Ἰησοῦς τῆς οἰκίας ἐκάθητο παρὰ τὴν θάλασσαν: καὶ συνήχθησαν πρὸς αὐτὸν ὄχλοι πολλοί, ὥστε αὐτὸν εἰς πλοῖον ἐμβάντα καθῆσθαι, καὶ πᾶς ὁ ὄχλος ἐπὶ τὸν αἰγιαλὸν ἰστῆκει. καὶ ἐλάλησεν αὐτοῖς πολλὰ ἐν παραβολαῖς.

В тот день Иисус вышел из дома и сел на берегу озера. Его обступила большая толпа, поэтому он сел в лодку и стал говорить оттуда, а люди на берегу слушали. Он долго разговаривал с ними, рассказывая притчи.

13 глава Евангелия от Матфея включает в себя 6 притч: о сеятеле, о пшенице и плевелах, о горчичном зерне, о закваске, о сокрытом на поле сокровище, о драгоценной жемчужине и о неводе. Эти притчи рассказывают о Царстве Небесном и, за исключением притчи о сеятеле, начинаются со слов: «Царство Небесное подобно...». Все 6 притч вложены в уста Иисуса и рассказываются им последовательно. Таким образом, первые три стиха 13 главы относятся не столько к притче о сеятеле, сколько ко всему блоку притч о Царстве Небесном. Их функция двойка. С одной стороны, они рассказывают читателю о том, где, когда и кому Иисус рассказывал притчи. С другой стороны, указывают, на каком этапе своего земного пути Иисус рассказывал притчи, то есть, связывают их с предыдущим и последующим евангельским повествованием.

Действие 13 главы происходит на берегу моря. Имеется в виду Галилейское море, то есть Тивериадское озеро. Во времена Иисуса это была область Галилея, входящая в римскую провинцию Иудею. Иисус рассказывает притчи, сидя в лодке. В Евангелии от Матфея Иисус, как правило, сидит, а слушатели стоят (например,

5:1, 15:29). Иисус садится в лодку, потому что на берегу собирается много людей. В лодке вместе с Иисусом находятся ученики (что следует из 13:10).

Указания на место и время у Матфея смутны. 13:1 не называет ни точного места, ни точного времени. О каком доме, о каком дне идёт речь невозможно понять и из контекста⁴. Матфея не интересуют детали – для него важно иное. Он показывает, что события 13 главы разворачиваются в том же месте и в то же время, что и события двух предыдущих глав. То есть у Матфея притчи связаны с проповедью Иисуса в Галилее. Они являются осмыслением плодов этой проповеди. Ричард Томас Франс, виднейший британский специалист в области Нового Завета, пишет: «Притчи из этой речи отвечают на закономерный вопрос, проистекающий из описания в 11-12 главах того, как по-разному люди встречают Иисуса и его проповедь Царства Небесного в Галилее: почему так происходит? Если весть радостная, если её несёт в мир тот, в ком читатель Евангелия уже узнал Мессию, то почему не все принимают её и не все поступают соответственно ей? Само словосочетание «Царство Небесное» вызывает у читателя ассоциации с триумфальным провозглашением и безоговорочным принятием. Как Народ Божий может противиться Его воцарению? Притчи предлагают различные модели для решения этой головоломки, объясняя, что люди от природы разные, что весть слишком неожиданная и что общество разделено в отношении к Богу» [France, 1985: 499].

Матфей не употребляет глагола διδάσκω «учить» для притч, как это делает Марк. В словаре Матфея этот глагол связан с толкованием Закона и этическими поучениями и часто употребляется для учения в синагоге. Вместо этого глагола Евангелист использует глагол λαλέω «говорить» с максимально широкой семантикой. Это важно при подборе эквивалента этих слов в языке перевода.

Притча о сеятеле

(3-9) Ἴδοὺ ἐξῆλθεν ὁ σπείρων τοῦ σπείρειν. καὶ ἐν τῷ σπείρειν αὐτὸν ἃ μὲν ἔπεσεν παρὰ τὴν ὁδὸν, καὶ ἔλθόντα τὰ πετεινὰ κατέφαγεν αὐτά. ἄλλα δὲ ἔπεσεν ἐπὶ τὰ πετρώδη ὅπου οὐκ εἶχεν γῆν πολλήν, καὶ εὐθέως ἐξανέτειλεν διὰ τὸ μὴ ἔχειν βάθος γῆς, ἡλίου δὲ ἀνατείλαντος ἐκαυματίσθη καὶ διὰ τὸ μὴ ἔχειν ρίζαν ἐξηράνθη. ἄλλα δὲ ἔπεσεν ἐπὶ τὰς ἀκάνθας, καὶ ἀνέβησαν αἱ ἄκανθαι καὶ ἀπέπνιξαν αὐτά. ἄλλα δὲ ἔπεσεν ἐπὶ τὴν γῆν τὴν καλὴν καὶ ἐδίδου καρπὸν, ὃ μὲν ἑκατὸν ὃ δὲ ἐξήκοντα ὃ δὲ τριάκοντα. Ὁ ἔχων ὦτα ἀκούετω.

Вот, слушайте! Однажды вышел сеятель сеять. Одни зёрна упали у дороги. Прилетели птицы и склевали их. Другие зёрна упали туда, где камней было много, а почвы – мало. Упали они неглубоко и поэтому проросли быстрее других. Но солнце припекло и сожгло ростки, едва пустившие корни. Некоторые зёрна упали на засорённую землю. Разрослись колючие сорняки и забили всходы. А те зёрна, которые упали на хорошую почву, дали дружные всходы и принесли богатый урожай. С какого вышло тридцать зёрен, с какого – шестьдесят, а с какого – и все сто! Имеющий уши, да услышит!

Притча – один из главных дидактических приёмов Иисуса. В синоптических Евангелиях насчитывается около 50 притч, длиной от одного до семнадцати стихов. Короткие притчи напоминают пословицы, поговорки и афоризмы: «где будет труп, там соберутся орлы» (Мф.24:28), «если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму» (Мф.15:14), «не может укрыться город, стоящий на верху горы» (Мф.5:14). Длинные притчи больше похожи на полноценные истории: о блудном сыне (Лк.15:11-32), о злых виноградарях (Мф.21:33-46), о неверном управителе (Лк.16:1-8). В церковной традиции притча понимается как аллегория. Филология, однако, отличает аллегорию от притчи. В аллегории значимым является каждый отдельный элемент, тогда как для притчи важна ситуация в целом, а детали уходят на второй план. Новозаветную притчу нельзя вырвать из контекста, в который она помещена. А он включает и учение Иисуса, и богословие конкретного Евангелия, и изобилующую притчами раввинистическую литературу межзаветного периода и исторический опыт ранней церкви. Авторы пособия для переводчиков Священного Писания так говорят о притчах, повествующих о Царстве Небесном: «Теперь общепризнано, что каждая притча предназначалась для уточнения только одного момента по вопросу о Царстве Божьем. Иисус не был единственным, кто прибегал к притчам. Еврейские наставники часто их использовали. <...> При истолковании притч важно помнить, что в них отражается и ситуация в которой жил Иисус, и ситуация, в которой писали авторы Евангелий. Притчи Иисуса были настолько яркими и при этом излагались в такой простой форме, что авторы Евангелий охотно их принимали и применяли к собственным жизненным ситуациям» [Ньюман-Стайн, 1998: 381].

Слово *παραβολή* сочетает два смысла: античный и ветхозаветный. В греческой риторике *παραβολή* – это ораторский приём для подтверждения тезиса, когда приводится правдоподобный случай, не имевший, однако, места в действительности [Аристотель, «Риторика» II.20]. Это существительное происходит от глагола *παραβάλλω* «сравнивать, уподоблять». Уподобление, подобие, иллюстрация – это греческий смысл слова. В Септуагинте *παραβολή* в большинстве случаев передаёт древнееврейское слово *māshāl*. *Māshāl* относится к человеку, действию, природному явлению или тексту. Если речь идёт о тексте, то оно имеет широкий спектр значений: от хвалебной песни (Ис.14, 4) до животной басни (Иез.17:2-6). Таким образом, в Ветхом Завете это слово означает короткое речевое произведение, занимательный рассказ. Если совместить оба смысла, мы получим Евангельскую притчу, то есть занимательный рассказ, служащий иллюстрацией той или иной проблемы.

Шведский исследователь Биргер Герхардсон определяет три важнейшие характеристики притчи, которые одинаково верны для Ветхого и Нового Заветов. Во-первых, размер притчи никогда не доходит до размера главы или книги, то есть притчи в Библии лаконичны. Во-вторых, притчи не являются спонтанными высказываниями, это тексты (преимущественно устные). В-третьих, в притчах нет разговорных или небрежных фраз, значит, они прошли художественную обработку [Gerhardsson, 1988: 340].

Важно также отметить, что в новозаветных притчах отразились нравы, обычаи и повседневная жизнь Палестины на рубеже тысячелетий. По выражению Чарльза Додда, в притчах «ничто не противоречит ни природе, ни жизни <...> природные явления тщательно фиксируются и отображаются, а поступки героев соответствуют действительности» [Dodd, 1961: 19].

Всё вышесказанное справедливо для притчи о сеятеле. Её приводят все три синоптических Евангелия (Мк.4:1-9, Мф.13:3-9 и Лк.8:4-8). И каждый Евангелист помещает её в свой собственный контекст. Притча о сеятеле также содержится и в апокрифах (Фома:9), а образы, связанные с севом, встречаются в литературе межзаветного периода (3 Ездры 4:28-32). Как мы знаем из толкования притчи Иисусом, она служила иллюстрацией воздействия слова о Царстве Небесном на разные категории слушателей.

В основании образного строя притчи лежат универсальные законы сельского хозяйства. Урожай во все времена зависит от сочетания нескольких факторов: хорошей почвы и удачного расположения поля, погодных условий и отсутствия вредителей. Нельзя, однако, не учитывать и исторических деталей. При внимательном прочтении греческого текста возникает ряд вопросов. У какой дороги упали семена? Почему на поле было терние? Почему в каменистой почве семена прорастают быстрее? Эти вопросы связаны с сельским хозяйством Палестины эпохи Иисуса.

Рассмотрим, что и как сеяли в Палестине. Разберём каждый сев отдельно.

Сведения о сельском хозяйстве средиземноморского региона в эллинистическую эпоху скудны и противоречивы. Известно, что главными злаковыми культурами были пшеница и ячмень. Пшеница была твёрдой (*triticum durum*) и отличалась от той, которая применяется в сельском хозяйстве сейчас. Сеяли дважды в год: весной и осенью (с наступлением сезона дождей), хотя в Палестине, по-видимому, был распространён только осенний сев. Как рыхлили почву – неизвестно. Вероятно, было две техники. В сухой сезон зёрна кидали на невспаханную землю, а затем запахивали её. С наступлением сезона дождей сначала давали вырасти сорным травам, затем запахивали их в землю, после этого сеяли. Посев осуществлялся вручную путём разбрасывания семян. [Payne, 1978: 123-124].

Притча о сеятеле даёт нам картину обыкновенного сева. Сеятель готовит поле, прежде чем сеять. Очищает его от сорных трав, убирает многочисленные камни и, возможно, рыхлит землю. Зачерпнув пригоршню семян из поясной сумки, он идёт по полю и разбрасывает их. Понятно, что какая-то часть зёрен пропадает.

И вот первая утрата – сев при дороге. Дорога, в нашем понимании, – это широкая полоса земли для езды и ходьбы. Как зерно оказалось при дороге? Похоже, что поле находится у дороги, а зёрна сдул порыв ветра. Это традиционное понимание этого места. Но разве семя не могло упасть не у дороги, а на неё?

Предлог *παρὰ* с аккузативом может означать не только «у», «при», «рядом», но и «на». К тому же известно, что Матфей взял словосочетание *ἔπεσεν παρὰ τῆν ὁδόν* у Марка. А *παρὰ* в Евангелии от Марка является неправильной передачей двусмысленного арамейского предлога ‘al, который в языке Иисуса означал «на», а не «при». Значит, семя упало на дорогу. Это другой вариант интерпретации стиха. Есть ещё один вариант. Многозначное слово *ἡ ὁδὸς* можно прочесть не как «дорога», а как «тропа, тропинка». Дело в том, что земельные наделы в Палестине были крохотными и прилегали один к другому. Их связывали тропы, идущие прямо по пашне. Тропа была и межой. Поэтому зёрна могли упасть или на тропу или у неё. Наконец, нельзя не отметить, что *ἡ ὁδὸς* означает не только дорогу или тропу, но и сам процесс перемещения в пространстве. Если *ἔπεσεν παρὰ τῆν ὁδόν* означает «упало по пути следования сеятеля», то зерно упало ему под ноги.

Ещё один случай – сев «на места каменистые». Как мы уже знаем, Иисус рассказывает притчу жителям Галилеи. Земля в этой местности трудна для обработки, и не только потому что грунт изобилует камнями. Плодородный слой здесь тонок: местами бывают обнажены скалы, местами плодородный слой лишь слегка прикрывает их [КЕЭ, т.3: кол.6-62]. *τὸ πέτρον* δεξ как раз и обозначает участок поля, где скала едва прикрыта почвой. Этот участок лучше прогревается, так как солнце нагревает горную породу, лежащую под ним. Зерно прорастает быстро, но корни пустить не может. Быстрые всходы на местах каменистых можно объяснить и иначе. Мы знаем, что плодородная почва распределена неравномерно: где-то её много, а где-то мало. Если почвы много, то зёрна оказываются глубоко. Нужно какое-то время, чтобы ростки прорвались через толщу земли. На таком участке всходы появляются позже. Если почвы мало, то зёрна падают в землю неглубоко и ростки почти сразу показываются на поверхности. Всходы, таким образом, появляются раньше.

Третий случай потери зерна – сев «в терние», то есть в колючий кустарник. Разумеется, никакого кустарника на поле во время сева не было: сеятель выкорчевал его при подготовке поля. Речь идёт о засорённой почве, где остались семена или корни сорных растений.

Хотя в ходе сева некоторые зёрна гибнут, в большинстве случаев семена всё-таки оказываются на хорошей почве, где дают всходы и приносят урожай. Притча описывает типичный сев, следовательно, и собранный урожай не является необыкновенным. Из текста не ясно, в каких единицах подсчитан урожай. Вероятнее всего, в 13:8 имеется в виду количество собранных зёрен в расчёте на одно посеянное зерно.

Таким образом, рассматриваемая нами притча рассказывает о разных типах почвы (что отражено в её немецком названии «*Gleichnis vom viererlei Acker*» – притча о четырёх полях). Подчёркивается, что урожай приносят лишь те семена, которые оказываются на доброй почве. При обыкновенном севе такие зёрна составляют большинство.

Иисус заканчивает притчу призывом слушать, то есть вслушиваться. Настало время объяснить ученикам, почему он рассказывает народу притчи.

Функция притч

(10-17) Καὶ προσελθόντες οἱ μαθηταὶ εἶπαν αὐτῷ Διὰ τί ἐν παραβολαῖς λαλεῖς αὐτοῖς; ὁ δὲ ἀποκριθεὶς εἶπεν ὅτι Ὑμῖν δέδοται γνῶναι τὰ μυστήρια τῆς βασιλείας τῶν οὐρανῶν, ἐκείνοις δὲ οὐ δέδοται. Ὅστις γὰρ ἔχει, δοθήσεται αὐτῷ καὶ περισσευθήσεται: ὅστις δὲ οὐκ ἔχει, καὶ ὃ ἔχει ἀρθήσεται ἀπ' αὐτοῦ. διὰ τοῦτο ἐν παραβολαῖς αὐτοῖς λαλῶ, ὅτι βλέποντες οὐ βλέπουσιν καὶ ἀκούοντες οὐκ ἀκούουσιν οὐδὲ συνίουσιν: καὶ ἀναπληροῦνται αὐτοῖς ἡ προφητεία Ἡσαίου ἢ λέγουσα

Ἀκοῆ ἀκούσετε καὶ οὐ μὴ συνῆτε,

καὶ βλέποντες βλέψετε καὶ οὐ μὴ ἴδητε.

Ἐπαχύνθη γὰρ ἡ καρδία τοῦ λαοῦ τούτου,

καὶ τοῖς ὠσὶν βαρέως ἤκουσαν,

καὶ τοὺς ὀφθαλμοὺς αὐτῶν ἐκάμμυσαν:

μὴ ποτε ἴδωσιν τοῖς ὀφθαλμοῖς

καὶ τοῖς ὠσὶν ἀκούσωσιν

καὶ τῇ καρδίᾳ συνῶσιν καὶ ἐπιστρέψωσιν,

καὶ ἴασομαι αὐτούς.

Ὑμῶν δὲ μακάριοι οἱ ὀφθαλμοὶ ὅτι βλέπουσιν, καὶ τὰ ὦτα [Ὑμῶν] ὅτι ἀκούουσιν. ἀμὴν γὰρ λέγω ὑμῖν ὅτι πολλοὶ προφητῆται καὶ δίκαιοι ἐπεθύμησαν ἰδεῖν ἃ βλέπετε καὶ οὐκ εἶδαν, καὶ ἀκοῦσαι ἃ ἀκούετε καὶ οὐκ ἤκουσαν.

Ученики удивились и спросили Иисуса: Почему ты говоришь с ними притчами? Иисус ответил: Потому что вам дано знать тайны царствия небесного, а им не дано. Ибо тому, кто имеет, будет дано и станет с избытком. А тот, кто не имеет, останется ни с чем. Я говорю с ними притчами, потому что они смотрят и не видят, слушают и не слышат и ничего не понимают. Это о них говорил Исаия:

Будете слушать во все уши и ничего не разберёте!

Будете смотреть во все глаза и ничего не увидите!

Ибо заплыли жиром мозги моего народа,

С трудом слышат уши его,

Закрывают глаза его.

Так пусть не видят глаза его,

Не слышат уши его,

Не разумеют мозги его.

И пусть не просит он у меня исцеления!

Счастливы уши ваши, потому что слышат, и глаза ваши, потому что видят. Ибо многие пророки и праведники хотели увидеть то, что видите вы, да не увидели, хотели слышать то, что слышите вы, да не услышали.

Комментарий Иисуса, который следует сразу за притчей, состоит из объяснения функции притч и толкования притчи о сеятеле. Он начинается с вопроса учеников. Им непонятно, почему Иисус прибегает к иносказанию, а не говорит прямо. В параллельных местах у Марка и Луки (Мк.4:10 и Лк.8:9) вопрос учеников относится к только что рассказанной притче. У Матфея он носит общий характер: для чего нужны притчи?

Отвечая, Иисус объясняет, что слово о Царстве Небесном явлено Богом в мир, но не может быть принято этим миром. Хотя слово открывается всем, но понять его могут лишь те, кому это дано, то есть ученики. Для остальных слово о Царстве остаётся непроницаемым, а притчи – загадками. Таким образом, говорит Иисус, притчи надёжно оберегают тайны Царства Небесного от непонимающей толпы. При этом божественный замысел о слове реализуется через избранничество учеников. Под учениками не стоит понимать апостолов и только их. В 12:50 – последнем стихе перед притчевым блоком – Иисус говорит о том, что его семья – это всякий, кто исполняет волю Отца Небесного. Все три пункта – избранничество учеников, непонимание мира и замысел Бога – были тем или иным образом сформулированы в притче о сеятеле: семена дают всходы на подготовленной почве (избранничество), зёрна не прорастают на плохой почве (непонимание), и всё это – обычный случай в сельском хозяйстве (замысел Бога).

Избранничество учеников подчёркнуто 13:10 и 13:16-17. В 13:10 и 13:16 ученики противопоставлены остальному миру. В обоих предложениях обращение к ученикам поставлено в сильную позицию в предложении: вопреки естественному порядку слов местоимения ὑμεῖς и ὑμῖν стоят в начале синтагмы. В 13:17 Иисус перебрасывает мост между праведниками Ветхого Завета и своими учениками. При этом ученики оказываются счастливее, чем праведники, ибо они видят то, о чём последние лишь мечтали – пришествие Мессии.

13:11 раскрывает замысел Бога о слове и о человеке. Считается, что это изолированное высказывание Иисуса, которое кто-то из Евангелистов использовал в качестве комментария к притче. Высказывание афористично. Это мог быть ходячий афоризм или пословица. Её аналоги есть в современных языках – англ. *nothing succeeds like success* (ничто не приносит такого успеха, как сам успех) или русск. *у кого поведётся, у того и петух несётся*.

Пророчество Исаяи (Ис.6:9-10), о котором говорит Иисус, было исключительно важным как для ранней церкви, так и для Матфея. В концепции Матфея с приходом Мессии исполняются ветхозаветные пророчества. В отличие от Марка и Луки, Матфей приводит текст целиком. Полностью пророчество цитируется в Новом Завете ещё два раза (Ин.12:39-40 и Деян.28:15-27). Страшные слова Исаяи показывают, в каком плачевном состоянии находится мир, как далеко народ ушёл от Бога. Это пророчество представляет интерес и с точки зрения перевода.

Матфей приводит греческий перевод пророчества Исаяи из Септуагинты. Как и многие другие древние переводы, перевод Септуагинты буквален. Механический перенос древнееврейского синтаксиса, пословный перевод идиоматики и грубая правка с теологических позиций затуманивают текст, а, главное, лишают его едва ли не самой важной составляющей – экспрессии. Исаяя обращается к народу с резкой обличительной речью, которая состоит из тщательно структурированного набора инвектив. Резкость Исаяи находит вербальное выражение в его речи. Так, пророк говорит, что «сердце народа огрубело». По иудейским представлениям, сердце – это мозг человека, средоточие его воли и разума. Огрубевшее сердце – это откормленный мозг, заплывшие жиром извилины. Выражения *ἀκοῖν ἀκούσετε* и *βλέποντες βλέψετε* передают древнееврейскую инфинитивную конструкцию, подчёркивающую исчерпанность действия – сколько бы вы не слушали, сколько бы вы не смотрели. И, самое важное, в греческом переводе пророчества допущена одна грубая фактическая ошибка. В 13:15 говорится, что сердце народа огрубело, глаза и уши закрыты. В масоретском тексте в этих строчках содержится приказание, которое Яхве даёт своему пророку – *закрой народу глаза и уши, сделай его сердце грубым*. Ученика Иисуса, как и сам он, безусловно, знали об истинном смысле пророчества, который для нас затуманивает греческий перевод. Иисус прибегает именно к этим строкам Исаяи в том числе и для того, чтобы подчеркнуть, что неприятие слова миром – часть Божественного замысла.

Читателю Первого Евангелия достаточно сложно свыкнуться с мыслью, что знание о Царстве Небесном доступно лишь избранным. Но это неотъемлемая часть богословия Евангелиста: Иисус в нагорной проповеди учил не давать святыни псам и не бросать жемчуга перед свиньями, дабы они не попрали его (Мф.7:6). Как отмечают авторы Нового критического комментария к Матфею, «Матфей, скорее всего, считал, что раскрывать божественные тайны всем без разбора – величайшее богохульство. Традиция, приписывавшая катастрофу Всемирного Потопа раскрытию божественных тайн людьми, которые их не достойны (1 Еноха 6-11), не

так уж далека от строя мысли Евангелиста. Одним словом, Матфей был убеждён, что знание сокрыто не по произволу, а по моральной необходимости» [Davies-Allison, 1991: 390].

Хотя избранничество и важно для Евангелиста, оно не составляет сути его богословия, ведь ищущий найдёт (Мф.7:7), а ученики избраны для того, чтобы нести в мир слово о Царстве Небесном.

Ответив на вопрос учеников, Иисус переходит ко второй части своего комментария – к объяснению притчи о сеятеле. Иисус сам даёт ученикам ключ к разгадке притч и открывает им одну из тайн о Царстве Небесном, скрытую в притче. Стих 18 (ὑμεῖς οὖν ἀκούσατε поэтому именно вы выслушайте) ещё раз показывает, что тайны открывается лишь тем, кому дано знать.

Иисус объясняет притчу о сеятеле

(18-23) ὑμεῖς οὖν ἀκούσατε τὴν παραβολὴν τοῦ σπειραντοῦ. Παντὸς ἀκούοντος τὸν λόγον τῆς βασιλείας καὶ μὴ συνιέντος, ἔρχεται ὁ πονηρὸς καὶ ἀρπάζει τὸ ἐσπαρμένον ἐν τῇ καρδίᾳ αὐτοῦ: οὗτός ἐστιν ὁ παρὰ τὴν ὁδὸν σπαρεῖς. ὁ δὲ ἐπὶ τὰ πετρῶδη σπαρεῖς, οὗτός ἐστιν ὁ τὸν λόγον ἀκούων καὶ εὐθὺς μετὰ χαρᾶς λαμβάνων αὐτόν: οὐκ ἔχει δὲ ῥίζαν ἐν ἑαυτῷ ἀλλὰ πρόσκαιρός ἐστιν, γενομένης δὲ θλίψεως ἢ διωγμοῦ διὰ τὸν λόγον εὐθὺς σκανδαλίζεται. ὁ δὲ εἰς τὰς ἀκάθαρσας σπαρεῖς, οὗτός ἐστιν ὁ τὸν λόγον ἀκούων καὶ ἡ μέριμνα τοῦ αἰῶνος καὶ ἡ ἀπάτη τοῦ πλοῦτου συνπνίγει τὸν λόγον, καὶ ἄκαρπος γίνεται. ὁ δὲ ἐπὶ τὴν καλὴν γῆν σπαρεῖς, οὗτός ἐστιν ὁ τὸν λόγον ἀκούων καὶ συνιείς, ὃς δὴ καρποφορεῖ καὶ ποιεῖ ὁ μὲν ἑκατὸν ὁ δὲ ἑξήκοντα ὁ δὲ τριάκοντα.

А теперь слушайте, что значит сия притча о сеятеле. Ко всякому, кто услышал слово о царствии небесном и не уразумел его, приходит лукавый и похищает то, что было посеяно в голове. Такой человек – это посев у дороги. Зерно, которое упало на каменистом месте, – это тот, кто услышал слово и легко его принял. Однако слово в нём как следует не укоренилось и оказалось недолговечным. Когда такому человеку придётся пострадать за слово, он так же легко с ним расстанется. Зерно, упавшее среди сорняков, – это тот, у кого повседневные заботы и погоня за богатством заглушают слово, которое не приносит урожая. А зерно, посеянное на хорошей почве, – это человек, который услышал слово и уразумел его. Такой человек приносит урожай. С какого выходит тридцать зёрен, с какого – шестьдесят, а с какого – и все сто!

Несмотря на то, что в течение почти всего XX век библейская филология пыталась отвергнуть принятый в церкви аллегорический подход к экзегезе притч, Иисус объясняет притчу о сеятеле как аллегорию. Он берёт каждый случай падения семени и даёт ему объяснение. Матфей стремится придать этому объяснению стройность. Если у Марка зерно означает и человека, и слово о Царстве, то Матфея почти исключает двусмысленность⁴: во всех четырёх случаях семя означает человека. Прослеживается градация в неприятии слова: в первом случае человек вообще не принял слова, так как оно было похищено, во втором случае человек

легко принял слово, но так же легко расстался с ним, в третьем случае он принял слово твёрдо, но плода ему оно не принесло, так как его постепенно заглушили другие вещи. Пропажа семени в каждом из четырёх случаев приписывается действию различных сил: это, с одной стороны, внешние силы – Дьявол и забота века сего, с другой стороны, сам человек, его маловерие и непостоянство.

Ведутся споры об аутентичности толкования притчи. Так как большинство притч не имеют в Евангелиях толкования, то считается, что имеющиеся толкования – это продукт ранней церкви. Согласно этой точке зрения, толкование притчи о сеятеле носит проповеднический характер и является попыткой объяснить неприятие, которое вызывала проповедь ранней церкви. Действительно, лексика, использованная в толковании притчи у Марка и Матфея, несёт на себе отпечаток языка апостольских посланий, то есть языка постпасхальной церкви. Так, слова *πρόσκαιρος* «временный, преходящий», *ἄπλατῆ* «обман, оболъщение» и *ἄκαρπος* «бесплотный» встречаются в Евангелиях по одному разу у Матфея и Марка в толковании притче о сеятеле. В то же время эти слова неоднократно употребляются в апостольских посланиях⁴. Похожая картина и со словами *διωγμὸς* «гонение» и *θλίψις* «давление, мучение, угнетение»⁵. Но можем ли мы только на основании этих данных считать толкование притчи вторичным? Не меньше, чем исторической ситуации ранней церкви, слова Иисуса соответствуют его собственной исторической ситуации. Разве на берегу озера притчи слушали не те же люди, которые осудили его на крестные муки? Разве не предал Его самый верный из учеников?

Ульрих Луц в своём комментарии обращает внимание на то, что выбор случаев падения семени был изначально ориентирован на толкование притчи. В самом деле, сложно избавиться от ощущения, что перед нами неаккуратный сеятель. Тот, кто сеет из года в год, хорошо знает своё поле: он убирает камни, занимается прополкой и удобрением почвы, так что засорённой почвы у него нет. Он сеет зёрна аккуратно, и на дорогу они не падают. Получается, что случаи пропажи семени специально подобраны так, чтобы направить мысли слушателя в нужное для Иисуса русло, подвести его к правильному пониманию. Следовательно, притча зависит от её толкования. Вместе они составляют неразрывное целое. Луц пишет: «Я не сомневаюсь, что первоначально это была притча о притчах, размышление о разных слушателях провозвестия Иисуса. Толкование целиком и полностью соответствует этой четырёхчастной притче. Таким образом, оно <...> может быть точным, даже если оно было сформулировано позднее, чем сама притча Иисуса. Нельзя исключить и обратный вариант: и притча и толкование возникли в самой церкви одновременно» [Luz, 2001: 244].

Итак, притча о сеятеле произнесена Иисусом в сложное для общины Иисуса время в Галилее. Она учит избранных Иисусом учеников понимать притчи, объясняет необходимость притч, растолковывает, почему народ не принял Мессию и говорит, что в этом неприятии – воля Господа. В притче заключён и универсальный смысл. Во все времена слово Божье открывалось лишь тем, кто к нему стремился. Его слово отвергали во времена Иисуса, гнали во времена ранней

церкви и ставят под сомнение сейчас. Притча говорит нам: не отчаивайтесь, так задумал Бог. Семя уже брошено. Значит, скоро будет большой урожай.

Библиография:

КЕЭ: Краткая еврейская энциклопедия на русском языке в 11 томах. Иерусалим: Еврейский Университет в Иерусалиме, 1976-2005. Электронная версия: <http://www.eleven.co.il> Последнее посещение 30 марта 2010 года

ABD: The Anchor Bible Dictionary. ed. David Noel Freedman. New York: Doubleday, 1997,1992.

Бломберг, 2005: Крейг Бломберг. Интерпретация притчей. Пер. с англ. Любови Сум под ред. Михаила Серебрякова. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрей, 2005.

Ньюман-Стайн, 1998: Баркли Ньюман, Филип Стайн. Комментарии к Евангелию от Матфея. Пособие для переводчиков Священного Писания. Перевод под ред. А.Л. Хосроева. Российское библейское общество, 1998.

Burkett 2002: Delbert Burkett, *An Introduction to the New Testament and the Origins of Christianity*. Cambridge: CUP, 2002.

Black, 1967: Matthew Black, *An Aramaic Approach to the Gospels and Acts*. 3d ed. Oxford: Clarendon, 1967.

Davies-Allison, 1991: William David Davies and Dale C. Allison, *A Critical and Exegetical Commentary to the Gospel According to Saint Matthew*. Volume II. ICC; Edinburgh: T. & T. Clark, 1991.

Dodd, 1961: Charles Harold Dodd, *The Parables of the Kingdom*. 1935. Rev. ed. London: Collins, 1961.

France, 1985: R.T. France, *The Gospel According to Matthew*. Tyndale New Testament Commentaries 1; Grand Rapids: Eerdmans, 1985.

Gerhardsson, 1988: Birger Gerhardsson, 'The Narrative Meshalim in the Synoptic Gospels'. *New Testament Studies* 34 (1988), pp. 339-363.

Luz, 2001: Ulrich Luz, *Matthew 8-20*. 1989. Tr. by E. Crouch. Hermeneia. Fortress Press: 2001.

Payne, 1978: P.B. Payne, 'The Order of Sowing and Ploughing'. *New Testament Studies* 25 (1978), pp. 123-9.

Via, 1967: Dan Otto Via, Junior, *The Parables: their literary and Existential Dimension*. Philadelphia: Fortress Press, 1967.

1 Действие предыдущей главы происходит в субботу. Иисус учит в синагоге, а потом покидает её. 12:46 намекает на то, что Иисус находится в помещении. Это мог быть дом Иисуса близ города Капернаума.

2 Иоахим Иеремиас, крупнейший библейский филолог XX века, связывает сев притчи с эсхатологическим севом, который принесёт невиданный урожай. 13:8 Иеремиас понимает как неожиданную развязку, когда Бог являет чудо небывалой плодородности семян. Однако такая концепция противоречит еврейским и греческим источникам, которые связывают с приходом последних времён урожаи куда большие, чем тот, что показан в притче: «зерно пшеничное родит десять тысяч колосьев, и каждый колос будет иметь по десять тысяч зерен, и каждое зерно даст по десять фунтов чистой муки» [Иринея Лионский, «Против ересей» 5.33.3].

3 Пророчество представляет собой трёхчастный хиазм А-В-В-В-А, где:

А: огрубело сердце

Б: с трудом слышат

В: глаза сомкнуты

В: не увидят

Б: не услышат

А: не уразумеют

4 В стихе 19 τὸ ἐσπαρμένον ἐν τῇ καρδίᾳ αὐτοῦ «посеянное в сердце» означает слово.

5 Πρόσκαρος: 2 Кор.4:18, Евр.11:25. ἀπάτη: Еф.4:22, Кол.2:8, 2 Петра 2:13 и др.. ἄκαρπος: 1 Кор.14:14, Еф.5:11, Титу 3:14 и др.

6 Из 43 употреблений слова ἄλιψς в Новом Завете, в Евангелиях оно употребляется всего 9 раз. Из 11 употреблений слова διωμῶς в Новом Завете, в Евангелиях оно употребляется трижды: 2 раза при толковании притчи и ещё раз у Марка (Мк.10:30).

